

В ПОИСКАХ ДИСГАРМОНИИ

Образы возникают на стенах, бледнеют и растворяются во тьме. Появляется картина звездного неба, земной шар выдвигается на первый план. Вдруг мы видим лес, сад и деревенские постройки. В этой сложной игре образов обозначается фигура молодого человека в черном. «М» — так зовут героя, которому предстоит «одиссея» по его собственному удивительно усложненному и запутанному внутреннему миру.

Психоделический шум, проекция 300 различных картин на пяти огромных экранах, смена цветов, сумасшедшая игра света и тени. Зритель чувствует себя, словно в кинозале, хотя в действительности он наслаждается (в данном случае в зависимости от вку-

са это слово пишется либо в кавычках, либо без них) зрелищем авангардистской оперы американского композитора Филипа Глэсса «Тысяча самолетов на крыше».

Два синтезатора, клавишные инструменты, флейты, альт-саксофон и человеческий голос, усиленный до мощности целого хора, — вот что нужно для создания этой экспериментальной оперы, названной ее создателями «музыкально-драматической научной фантастикой». Никаких арий, дуэтов, хоров, костюмов и декораций. «М» остается все время один и говорит только о себе.

Сам композитор считает подобное многомерное действие решительным шагом к новому современному музыкальному театру. Ему удалось не только

написать оригинальную музыку, но и скомпоновать темпоритмы своих музыкальных гирлянд таким образом, чтобы они были в точном соответствии с диапозитивами.

Впервые «Тысяча самолетов», которую Ф. Глэсс нередко называет «кинематографической оперой», была показана в ангаре венского аэропорта Швехат, затем последовали Западный Берлин, Филадельфия, Австралия. Потом опера вновь вернулась в Европу.

Филип Глэсс довольно спокойно относится к своей мировой славе, хотя еще десять лет назад он был простым таксистом. О нем заговорили после того, как он написал музыку к фильму режиссера Готфри Реджио «Коянискаци».

Сегодня он — ведущий композитор среди минималистов, хотя его страсть к бесконечному повторению одной и той же музыкальной фразы приводит одних в состояние экстаза, а у других вызывает ощущение, сравнимое разве что с острой зубной болью. И тем не менее Глэсс создает одно произведение за другим.

С огромным успехом в Бостоне идет его камерная опера «Падение дома Эшеров» по книге Эдгара По, в Хьюстоне — «космические фантазии» под названием «Возникновение представителя планеты 8», а опера «Эхнатон», к созданию которой Глэсса побудило изучение истории Древнего Египта, стала почти что уже эталонным произведением в этом нарождающемся жанре.

Выдержит ли Глэсс натиск успеха? Удастся ли ему не повториться, а продолжить свои причудливые поиски в области музыкального авангарда?

В. ЖУРАВЛЕВ.